

Юнона Белова

Я не твоя
прислуга,
мажор!

Ты держал меня в золотой клетке,
но я нашла выход!

Юнона Белова

**Я не твоя прислуга, мажор!
Ты держал меня в золотой
клетке, но я нашла выход!**

«Автор»

2026

Белова Ю.

Я не твоя прислуга, мажор! Ты держал меня в золотой клетке, но я
нашла выход! / Ю. Белова — «Автор», 2026

Я поступила в элитный медицинский университет, чтобы стать врачом.
Но для богатых наследников я всего лишь бедная провинциалка, которую
можно унижать безнаказанно. Артём, сын влиятельного профессора, знает
мою слабость: стипендия и место в общежитии — всё, что у меня есть.
Он превращает меня в прислугу, заставляет подчиняться его правилам и
уверяет, что без него я пропаду. А потом меня обвиняют в краже научных
исследований. Моя репутация уничтожена, друзья отворачиваются, а за
чужими открытиями обнаруживается страшная тайна университета. Чтобы
вернуть своё имя, придётся бросить вызов целой медицинской династии. И
решить, можно ли доверять человеку, который первым сделал мою жизнь
настоящим кошмаром.

© Белова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юнона Белова

Я не твоя прислуга, мажор! Ты держал меня в золотой клетке, но я нашла выход!

Глава 1

Викторина по выживанию в столовой медицинского университета «Асклепий» начинается с математики. Калории, деньги, время. Три переменные, которые никогда не соходятся до нуля, если ты — Вика, стипендиатка из глубинки с дырявыми карманами и безупречным резюме.

Я стою в очереди, чувствуя, как телефон вибрирует в кармане старого пальто. Не проверяю. Знаю: это мама. Зарплата на заводе задержана. Опять. В голове щелкает калькулятор: если я возьму сегодня обед за 250 рублей, завтра у меня не будет на проезд до клиники для практики. А практика — это оценка. Оценка — это сохранение места в общежитии. Место в общежитии — это крыша над головой. Цепочка логична, как швы на операционном столе. Но разрывы в ней убивают быстрее любых патологий.

— Следующая! — голос повара бьет по нервам.

Передо мной почти пустой поднос. На нем лежала единственная булочка с маком, которую я взяла «на потом». Теперь она соскользнула на край стойки: грязь, пыль и чужой запах. Я поднимаю ее. Пальцы дрожат, но лицо сохраняет маску спокойствия. Алгоритм прост: игнорировать боль, чтобы не показать слабость. Слабость здесь — это смерть статуса.

— Ой, прости, я не видела тебя там, — Лена проходит мимо, задев меня плечом так, что поднос чуть не выпадает. Она улыбается своей фирменной, фарфоровой улыбкой дочери декана. — Ты же всегда такая... Незаметная. Как тень от чьего-то богатства.

Поток студентов вокруг хихикает. Лена — королева курса. Её оценки куплены, её репутация стерильна, а её презрение к бедным — закон природы. Она не просто толкнула меня. Она отметила территорию. Показала всем: вот кто здесь главный, а вот кто мусор.

Я молча вытираю булку салфеткой. Смахиваю крошки. Откусываю. Жую медленно, глядя ей в глаза. Внутри всё кричит, но снаружи я — идеальная студентка. Тихая. Неприступная. Правильная.

— Глупость — это тоже форма самоубийства, Вика, — раздается сверху.

Голос Артема. Он стоит на балюстраде второго этажа, опираясь на перила одной рукой. Второй держит стакан кофе. Его взгляд скользит по мне, как скальпель по живому мясу. Без анестезии.

— Ты думаешь, они не видят, как ты дрожишь? — он усмехается, и в этой усмешке нет тепла, только холодное любопытство энтомолога, изучающего жука под стеклом. — Или ты думаешь, что твоя гордость спасет тебя от того, что тебя сломают?

Мое тело реагирует раньше мозга. Ноги сами поворачиваются в сторону выхода. Ускорение шага. Рывок. Я ухожу, не оглядываясь, чувствуя спиной его смех. Он не догоняет. Ему и не нужно. Он уже внутри моей головы.

Остаток дня прошёл в тумане: я переписывала конспекты, не вникая, и всё время ловила себя на том, что прислушиваюсь к смеху за спиной. К следующему утру я уже стояла у дверей ректората. В папке под мышкой лежала курсовая, готовая на месяц раньше срока. Пусть посмотрят, чем я занимаюсь ночами.

Кабинет секретаря ректора пахнет пылью и дорогими духами. Я сижу напротив женщины с глазами манекена, ожидая подписи на заявлении о досрочной сдаче курсовой. Это мой щит. Если работа принята, я легитимна. Если нет — я никто.

— Пересмотр всех заявок на проживание, — секретарь даже не смотрит на мои документы. Её палец барабанит по столу. — Ректор требует проверки благонадежности. Из-за... Инцидентов.

Сердце пропускает удар. Инцидентов? Каких? Я не нарушала правил. Я не пила, не курила, не встречалась с парнями в общежитии. Я жила по расписанию, как робот.

— Но моя стипендия... — начинаю я.

— Стипендия зависит от статуса проживания, Вика, — перебивает она сухо. — Если вас выселят, грант аннулируется автоматически. Вы понимаете последствия?

Да. Я понимаю. Я потеряю всё. Дом, учебу, будущее. И всё это — из-за одного звонка человека, который считает меня грязью на подошве.

Я вышла из кабинета, не чувствуя пола под ногами. Прохожие расступались, а я шла сквозь них, перебирая одно и то же: выселение, аннулированный грант, мама на заводе, у которой и без того зарплату задерживают. Дорогу до общежития не помнила.

Комната в общежитии давит стенами. Двенадцать квадратных метров на троих. Мои вещи аккуратно сложены в чемодане, спрятанном под кроватью. Тайник. Моя крепость.

Я достаю папку с документами. Проверяю каждый лист. Договор аренды (фиктивный, чтобы выглядеть солиднее перед родителями), справки о доходах семьи, копии паспортов. Руки ходят ходуном. Паника подступает комом в горле. Я боюсь не того, что останусь на улице. Я боюсь того, что меня сочтут недостойной. Что весь этот год, все бессонные ночи, вся кровь из носа от перегрузок были напрасны.

«Попроси помощи», — шепчет голос в голове.

«Нет», — отвечаю я себе. Помощь — это долг. Долг — это уязвимость. А уязвимость здесь равна нулю.

Дверь скрипит. Даня. Тихий сосед с хирургического, всегда в белом халате поверх свитера, с запахом антисептика и недосыпа.

— Чай? — он держит кружку с паром.

— Нет, спасибо. Мне нужно работать, — я отвернулась, пряча покрасневшие глаза.

Даня не уходит. Он прислоняется к косяку, наблюдая за тем, как я лихорадочно перебираю бумаги.

— Лена уже распустила слух, что ты стащила её конспекты по фармакологии, — говорит он тихо, почти одними губами.

Я замираю. Воздух становится густым, как смола.

— Тебя вызовут на комиссию завтра утром. Обвинение в академическом плагиате и краже интеллектуальной собственности. Доказательства... Найденные в твоих вещах.

Он смотрит на мой чемодан под кроватью. На мои руки, которые теперь трясутся не от холода, а от ужаса.

— Беги, Вика, — шепчет Даня и выходит, оставив дверь приоткрытой.

Секунду я стояла посреди комнаты, словно в вакууме. Потом схватила телефон, сунула его в карман и выскочила в коридор. Лифт стоял на этаже с распахнутыми дверями, будто ждал именно меня.

Лифт. Металлическая клетка, которая возносит или низвергает. Я жму кнопку первого этажа. Нужно уйти. Сейчас. Прямо сейчас. Пока они не пришли за мной.

Двери смыкаются. В отражении полированной стали вижу себя: бледную, с растрепанными волосами, с глазами загнанного зверя.

На третьем этаже лифт останавливается. Двери открываются. Артем.

Он входит, не говоря ни слова. Пахнет табаком, дождем и опасностью. Нажимает кнопку остановки. Лифт зависает между этажами. Тишина становится оглушительной.

— Ты бежишь слишком быстро, — он достает телефон. Экран светится в полумраке кабины. — Для человека, который думает, что контролирует ситуацию.

Я хочу нажать кнопку открытия дверей, но руки не слушаются.

Артем показывает мне экран. Фотография. Столовая. Я. С булкой в руке. Грязная салфетка, крошки, жалкое зрелище. Подпись, которую он явно набрал заранее: «Студентка, нарушающая санитарные нормы и создающая антисанитарную обстановку своим видом. Нарушение правил внутреннего распорядка общежития.»

Это доказательство моего «неподобающего поведения». То самое, из-за которого меня могут выселить.

— Я могу удалить это, — Артем убирает телефон в карман. Его глаза черные, бездонные. — Или отправить ректору прямо сейчас. Ты пойдешь со мной в закрытый архив библиотеки на этой неделе. Взамен — доступ. Там есть редкие монографии, которые тебе так нужны для исследовательской работы.

Я смотрю на него. На его спокойное, циничное лицо.

— Почему ты делаешь это? — спрашиваю я хрипло.

— Потому что ты забавная, — он усмехается. — И потому что у тебя нет выбора. Ты слишком гордая, чтобы просить прощения. Слишком упрямая, чтобы признать, что это ловушка. И слишком отчаявшаяся, чтобы отказаться.

Сделка дьявола. Он знает мои слабости лучше, чем я сама. Гордость. Страх быть отвергнутой. Жажда знаний. Он бьет точно в центр мишени.

— Давай, Вика. Скажи «да».

Мои зубы скрежещут. Внутри всё рвется на части, но внешняя оболочка трещит по швам. Моё «нет» превращается в немое согласие. Я киваю. Артем отпускает кнопку остановки. Кабина дергается и едет вниз.

Двери лифта открываются. Первый этаж. Холодный воздух улицы обжигает легкие, возвращая способность дышать.

Я выхожу, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Телефон в кармане снова вибрирует. Сообщение от неизвестного номера.

«Добро пожаловать в игру, Вика. Первый ход за тобой. Но помни: ошибки здесь стоят дороже денег.»

В конце сообщения подпись: «Артем».

Я смотрю на экран, и пальцы, привыкшие писать идеальные конспекты и считать калории, впервые дрожат так сильно, что телефон выскальзывает из рук. Он падает в лужу. Я выхватываю его из воды, вытираю рукавом. Экран мигает и гаснет. Нажимаю кнопку — снова светится. Пока жив.

Как и моя иллюзия контроля.

Глава 2

Запах старой бумаги и дезинфекции всегда сводил меня с ума, но сегодня он пах изменой.

После двадцати двух часов библиотека превращалась в склеп для знаний: гулкое эхо шагов, холодный свет аварийных ламп и тишина, от которой звенит в ушах. Артем сам назначил встречу, но, впустив меня своим пропуском, велел ждать у стойки. Я увидела, как он ушел в сектор «С», и двинулась следом. Хватит ждать, пока он решит, сколько правды мне положено.

Артем стоял спиной ко мне у стеллажей закрытого сектора «С». В руках он держал пухлую папку, перевязанную красной лентой — стандартная маркировка документов с истекшим сроком хранения. Или тех, которые должны были исчезнуть навсегда.

Он повернулся. Медленно. Так, как поворачиваются хищники, почуявшие добычу, которая слишком громко дышит.

— Ты потерялась, студентка? — его голос был низким бархатом, обмотанным вокруг моей шеи проволокой. В полумраке библиотеки его глаза казались черными провалами. — Охрана на первом этаже. Если ты не уйдешь через минуту, я вызову их сам. И объясню ректору, почему дочь декана Лена так заинтересовалась твоими ночными прогулками.

При слове «охрана» я уже оглянулась на проход между стеллажами — и зацепилась взглядом за номер на корешке. Погоди. Эту папку я знала. Её номер значился в списке аннулированных дел клинических испытаний, которые Лена использовала как трамплин для своей научной статьи. Данные там были фальшивыми, но оригиналы... Оригиналы существовали где-то здесь.

Я сделала шаг вперед, игнорируя угрозу.

— Дело №409-В, «Иммунотерапия при хронических патологиях», — произнесла я четко, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Оригинал подписан тобой, Артем. Датирован тремя годами раньше статьи Лены.

Артема это не смутило. Напротив, в уголках его рта появилась кривая усмешка. Положив папку на полку, он сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию до интимной, почти неприличной близости. Я чувствовала запах его одеколона — цедра и табак — и кожей ощущала исходящий от него жар. Он навис надо мной, одной рукой опершись о стеллаж рядом с моим плечом, запирая меня в ловушку из своего тела и металла.

— Блеф, — прошептал он мне в макушку. Его дыхание обожгло висок. — Или случайность. Ты просто зубрилка, Вика. Ты запоминаешь даты, но не понимаешь контекст. Уходи. Пока я добрый.

Его пальцы коснулись подбородка, грубо поднимая мою голову. Я увидела в его глазах не гнев, а скуку. Ему было скучно со мной. Это бесило больше, чем страх.

Руки дрожали в карманах куртки, но я вытащила телефон. Экран вспыхнул в темноте, освещая наши лица мертвенно-бледным светом.

— Ультиматум, — сказала я, глядя ему прямо в зрачки. — Либо ты даешь мне ключ-карту от сектора С, либо я отправляю анонимное письмо ректору прямо сейчас. Тема письма: «Фальсификация данных сыном ректора». Прикреплю фото этой папки.

Артем замер. Его хватка на подбородке ослабла, но не исчезла. Он смотрел на телефон, потом на меня. Впервые за вечер его маска цинизма треснула. На этот раз он не велел мне убрать телефон. Ждал, что я нажму.

— Ты думаешь, я боюсь анонимок? — спросил он тихо, но в голосе послышалась сталь.

— Нет, — ответила я. — Ты боишься, что они попадут в нужные руки. Например, в руки тех, кто уже три года пытается закрыть твои «ошибки».

Где-то за стеллажами гудела лампа. Артем медленно отступил на шаг; я наконец вдохнула свободнее, но телефон оставила поднятым. Пусть видит: письмо я всё ещё могу отправить.

— Хорошо, — сказал он, убирая руку. — Я могу помочь тебе разобраться в этом дерьме. Без меня ты запутаешься в цифрах через час.

— Мне не нужна жалость, — перебила я. — Мне нужен доступ. Условия сделки таковы: ты становишься моим теневым куратором. Учишь меня читать эти архивы, показываешь логику сокрытия. А я молчу о твоих ночных визитах. Ни слова ректору. Ни слова Лене.

Он засмеялся. Коротко, сухо, без веселья.

— Ты ставишь условия мне? Сыну человека, который может тебя вычеркнуть из списка студентов одним звонком?

— Я ставлю условия человеку, который хочет правды, но боится грязных рук, — парировала я. — Тебе нужен свидетель, который знает цену информации. И который не будет болтать лишнего, пока не получит то, что нужно ему.

Артем долго смотрел на меня. Потом его взгляд упал на экран моего телефона. Он достал из кармана маленькую пластиковую карту. Черную, матовую, без опознавательных знаков.

— Система безопасности университета требует биометрической привязки нового пользователя к существующему аккаунту администратора, — сказал он ровно, словно читал инструкцию. — Чтобы активировать эту карту для тебя, нужен скан радужки и подтверждение с моего терминала. Оформление займет около часа; до конца процедуры я отвечаю за твой доступ.

— Где? — спросила я, чувствуя, как внутри все сжимается от предчувствия ловушки.

— В моей комнате, — ответил он, протягивая карту. — Общежитие «Медикус», корпус 3, комната 304. Сейчас же.

Это была проверка. И капкан. Но я взяла карту из его протянутой руки. Наши пальцы соприкоснулись на секунду — его кожа была горячей, моя — ледяной.

— Жди меня внизу, — приказал он и развернулся, растворяясь в тени стеллажей.

Я спустилась на первый этаж и осталась у стойки, прикидывая, сколько ещё продержится моя спокойная маска. Минут через пятнадцать он вышел из сектора «С» с планшетом под мышкой. Мы пересекли двор молча: он шёл чуть впереди, не оборачиваясь, я — по его следу, считая шаги, чтобы не думать о том, куда меня ведут. У третьего корпуса Артем приложил карту к считывателю, и тяжёлая дверь поддалась.

Корпус 3 пах сыростью и дорогим ремонтом. Квартира Артема была не похожа на комнату обычного студента. Здесь не было хаоса, но была стерильность, граничащая с больничной. Белые стены, минимум мебели, огромные окна во всю стену, выход на крышу. И повсюду книги. Не учебники, а стопки старых журналов, папки, разбросанные по полу и столу. Запах сигаретного дыма вёлся в шторы, смешавшись с ароматом свежесваренного кофе.

Артем сидел в кресле у стола, спиной ко мне.

— Садись туда, — он указал на жесткий стул напротив себя. — Камера сканера настроена на уровень глаз сидящего человека.

Я села. Стул скрипнул. Карту положила рядом с прибором. Артем включил небольшой прибор на столе, похожий на планшет с линзой посередине. В объективе зажегся красный индикатор. Камера искала мои глаза.

— Держи голову прямо. Не моргай слишком часто. Система считает мигание признаком стресса и ложного доступа.

«Стресс», — подумала я. Откуда ему знать про мой стресс?

— Ты выглядишь нелепо, — начал он, не отрывая взгляда от экрана планшета. — Эта твоя дешёвая куртка с пятном от туши на воротнике. Ты действительно думала, что сможешь блефовать со мной? У тебя, похоже, пульс под сто двадцать. Посмотри, как ты дышишь. Рваный вдох, длинный выдох. Классическая паника.

Камера перестала двигаться, на экране возник крупный план моего правого глаза. Зазвенело предупреждение: ОШИБКА СИНХРОНИЗАЦИИ.

— Повтори процедуру, — сухо бросил Артем. — Ты слишком нервничаешь. Алгоритмический мозг, который не умеет контролировать тело. Печально.

Я стиснула зубы. Внутри бушевал вулкан, но снаружи я оставалась статуей. Я закрыла глаза. Один раз. Два раза. Три раза. Глубокий вдох носом на четыре счета. Задержка на четыре. Выдох ртом на восемь. Техника саморегуляции, которую я отрабатывала перед каждым экзаменом. Перед каждым унижением.

Открыв глаза, я посмотрела прямо в объектив. Не на Артема. На камеру.

— Моргни, — потребовал Артем.

— Нет, — ответила я шепотом.

Красный индикатор снова загорелся. Тишина растянулась на вечность. Артем перестал писать в ноутбуке. Он поднял голову. Его лицо было непроницаемым, но в глазах мелькнуло любопытство.

Зеленый огонек на планшете вспыхнул. ДОСТУП ПОДТВЕРЖДЕН.

Артем выдохнул, и в этом звуке было больше облегчения, чем я ожидала. Он потянулся за распечаткой кода доступа, лежащей рядом с планшетом.

— Поздравляю, — сказал он, но тон был далек от дружеского. — Теперь у тебя есть карта. Но нет кода.

Глава 3

Он смял бумагу и положил её в свой карман.

— Что ты делаешь? — я резко встала, стул грохнул назад.

— То, что должен был сделать давно, — он спокойно встретил мой взгляд. — Ты получила доступ к системе, Вика. Но данные в секторе С структурированы не по алфавиту и не по датам. Они разбросаны по слоям лжи. Без понимания того, как мой отец перекроивает историю, ты найдешь только мусор.

— Верни код!

— Нет. — Он подошел ближе, загоня меня в угол между столом и стеной. — Ты будешь ждать моих инструкций. Или ты думаешь, что после одного удачного блефа можешь играть на равных? Ты новичок в этой войне. А я генерал.

Его рука легла на дверную ручку. Щелчок замка прогремел как выстрел.

— Ты запер меня? — мой голос сорвался на крик.

— Я дал тебе время успокоиться, — ровным тоном ответил Артем. — Завтра в полночь мы начнем настоящую работу. А пока... Отдыхай. В твоей новой комнате.

Он вышел, оставив дверь открытой лишь на миллиметр, прежде чем полностью закрыть её и повернуть ключ снаружи.

Я осталась одна. В чужом пространстве. В запахе его сигарет и его власти.

Злость кипела в груди, требуя выхода. Я хотела ударить по столу, разбить планшет, закричать. Но вместо этого я села на его стул. Подтянула колени к груди. И посмотрела на открытый ноутбук на столе.

Он забыл его. Или проверил меня?

Мои пальцы зависли над клавиатурой. Риск был велик. Но страх перед неизвестностью был сильнее страха перед наказанием. Я коснулась тачпада. Экран ожил.

Папка «Archives_Corrupted». Внутри десятки файлов с непонятными именами: test_group_4, placebo_override, lenov_falsify. Я начала копировать структуру. Не сами файлы — система блокировала скачивание больших объемов, — а названия, даты создания, размеры. Алгоритм поиска закономерностей.

Если он не даст мне знания, я украду их логику.

Прошло десять минут. Пятнадцать. Мои глаза болели от напряжения, спина ныла от неудобной позы. Но я не двигалась. Каждый файл был кусочком головоломки, которую я собирала в голове быстрее, чем могла бы объяснить словами.

В дверь постучали. Легко, небрежно.

Я вздрогнула, захлопнув крышку ноутбука, но не успела встать. Снаружи скрежетнул ключ, и дверь распахнулась.

Артем стоял на пороге. В руке он держал два стакана с водой. Он посмотрел на закрытый ноутбук, потом на мое лицо, искаженное от напряжения. Никакого гнева в его глазах не было. Только удивление. Чистое, искреннее удивление.

— Ты скопировала индексацию, — констатировал он, входя в комнату и запирая дверь за собой. — Зачем? Я же сказал: завтра пойдем вместе. Могла дожидаться и начать читать.

— Доступ бесполезен без понимания системы сокрытия, — ответила я, чувствуя, как дрожат губы. — Ты сказал, что я не пойму. Я решила проверить.

Артем поставил стаканы на стол. Один из них придвинул ко мне. Вода была холодной, идеальной температуры.

— Ты нарушила правила игры, — сказал он тихо.

— Правила устанавливает победитель, — сказала я, подвигая к себе стакан. — Ты ведь не думаешь, что уже выиграл?

Он замер. Посмотрел на меня долгим, оценивающим взглядом. И вдруг улыбнулся. Не злобно, не насмешливо. Улыбка была медленной, опасной и... Интересной. Как у хищника, который наконец нашел соперника, способного держать темп.

— Холодно, — пробормотал он, снимая свою куртку. Она была тяжелой, из плотной ткани, пахнувшей городом и ночью. Он набросил её мне на плечи, когда я попыталась встать.

Рука Артема скользнула по моей спине, короткое касание, которое обожгло сквозь ткань футболки. Я не отдернулась. Я не смогла.

— Завтра в полночь, — сказал он, отходя к окну. Его силуэт сливался с темнотой улицы. — Мы будем работать. Вместе.

Проходя мимо двери, он отпер замок и оставил её открытой. Я могла уйти — и впервые он не преграждал путь. Ждал моего хода. Я надела его куртку. Она пахла дождем и опасностью. И я знала: завтра в полночь я стану частью его лжи, чтобы однажды разобрать её изнутри.

На следующий вечер коридор общежития пах хлоркой и чужим отчаянием. Утреннюю комиссию по жалобе Лены перенесли, но комендант уже потребовал освободить мою койку. Я успела забрать сумку и учебники; часть старых черновиков осталась в тайнике комнаты 512. Артем велел прийти к десяти, чтобы до полуночи подготовить материалы. Я стояла перед дверью комнаты номер 304, сжимая ремень сумки так, что костяшки пальцев побелели. Внутри меня всё кричало: «Беги». Но ноги были ватными. Альтернатива — улица, холод и потерянный диплом — была страшнее.

Артем открыл дверь прежде, чем я успела постучать. Он не улыбнулся. Просто перегородил проход своим плечом, широкой стеной в черной футболке. Его глаза скользнули по мне, оценивая ущерб.

— Телефон, — потребовал он. Голос был ровным, как скальпель.

— Что? — Я инстинктивно прижала руку к карману куртки. Это моя личная жизнь, мой контакт с внешним миром, мой единственный щит.

— Если Лена узнает, где ты, она найдет способ выкурить тебя отсюда даже через закрытую дверь. Твой аппарат — канал утечки. Сдай его. Или уходи.

— Это незаконно! — выпалила я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. — Ты не имеешь права...

— У меня есть право заставить тебя делать то, что спасет твою шкуру, Вика. Выбор за тобой. Прямо сейчас.

Он протянул ладонь. Пальцы длинные, с коротко подстриженными ногтями. Я ненавидела эту властность, но ещё больше ненавидела себя за то, что послушалась. Медленно достала телефон. Экран мигнул уведомлением от мамы. Артем забрал его без спроса, бросил на тумбочку внутри комнаты и отступил, пропуская меня. Затем захлопнул дверь за моей спиной.

Звук замка прозвучал как приговор.

Я вошла внутрь и замерла. Вчерашний стерильный порядок золотого мальчика исчез. Дорогие книги и кожаные кресла остались — но были завалены мусором. Вместо этого в лицо ударил запах несвежей еды и энергетиков. Комната была похожа на берлогу медведя после зимней спячки: горы пустых банок, разбросанные тетради, свисающие со стульев рубашки. На полу, прямо среди мусора, лежал ноутбук, открытый на странице сложной формулы фармакокинетики.

— Это неприемлемо, — сказала я, стараясь говорить сухо, хотя горло перехватывало от отвращения. — Как ты собираешься работать здесь? Где архивы?

Артем уже сидел на краю кровати, перекатывая между пальцами какую-то мелочь. Он поднял на меня взгляд, полный насмешливого спокойствия.

— Если хочешь порядка, убирайся сама. Я нанял тебя не как студента, а как прислугу за крышу над головой. Порядок стоит денег, Вика. У тебя их нет.

Глава 4

Гордость треснула с сухим звуком. Я смотрела на грязную кружку на столе и понимала: он делает это намеренно. Этот хаос — его крепость, его способ держать всех на дистанции. Но я должна была войти.

Мои руки дрожали, когда я начала собирать банки. Одна, две, тридцать. Я чувствовала себя униженной, каждой клеточкой тела. Казалось, сам воздух в комнате давил на меня.

В этот момент раздался резкий стук в дверь. Три коротких, два длинных. Знак Лены.

Сердце ушло в пятки. Я застыла с банкой в руке, готовая исчезнуть сквозь пол. Артем даже не повернул головы. Он просто встал, расправил плечи и открыл дверь.

Лена стояла в коридоре, в идеальном бежевом пальто, с маской вежливости на лице, которая тут же слетела, стоило ей попытаться заглянуть внутрь.

— Артем, дорогой, — её голос звенел от фальши. — Куда ты спрятал эту... шлюху? Она исчезла с пар. Все говорят, что она сливает информацию о твоей работе деканату.

Она шагнула вперед, пытаясь проскользнуть мимо него. Артем не двинулся с места. Он стоял спиной к комнате, полностью блокируя обзор, и смотрел на Лену с таким презрением, что та побледнела.

— Вика здесь только потому, что я сжалился над её жалким видом, — холодно произнес он. — Ей нужно место, чтобы дописать черновики, пока ты занимаешься своей личной жизнью. Извини, Лена, у меня нет времени на твои игры.

— Ты защищаешь её?! — взвизгнула Лена, теряя остатки самообладания. — Она ничтожество!

— И тем не менее, войти сюда ты не можешь. Это не твоя комната, Лена. До свидания.

Дверь хлопнула с такой силой, что пыль с полок посыпалась вниз. Тишина в комнате стала оглушающей. Я медленно выдохнула, чувствуя, как мышцы расслабляются, но страх никуда не делся. Артем повернулся ко мне. В его глазах не было тепла, только расчет.

— Теперь ты поняла правила игры? — спросил он. — Здесь ты никто. Без меня ты не поймешь ничего.

— Дай мне доступ к архивам, — потребовала я, игнорируя его тон. — Я выполнила условия. Я здесь. Я терплю.

Артем усмехнулся, но не подошел ближе.

— Не сегодня. Сначала найди одну вещь. Старую медицинскую карту моего отца. Она потерялась неделю назад. Лежала вот здесь, среди этих завалов.

Это был тест. Я знала это. Он проверял, буду ли я искать правду или просто выполнять команды ради выгоды. Я посмотрела на гору мусора. Часы показывали десять вечера. Завтра экзамен.

— Хорошо, — сказала я. — Но если я найду её, ты дашь мне пароли.

Он молча кивнул.

Я опустилась на колени. Руки скользили по холодному полу, перебирая бумаги, чеки, обертки. Каждый предмет казался ловушкой. Минута за минутой, час за часом. Мой мозг отказывался спать, тело ныло от неудобной позы. Я искала не карту, я искала себя в этом хаосе.

Наконец, между двумя стопками учебников по хирургии, мои пальцы наткнулись на жесткую картонную папку. Я вытащила её. Диагноз был написан аккуратным почерком: «Хроническая гипертония, стадия ремиссии». Фальшивка. Идеальная, безупречная фальшивка.

Я встала, держась за край стола. Артем наблюдал за мной из темноты угла.

— Нашла? — спросил он.

— Да.

Я протянула ему карту. Он взял её, пробежал глазами и рассмеялся. Смех был тихим, но острым, как стекло.

— Поздравляю, Вика. Ты прошла первый уровень. Эта карта была приманкой. Я хотел посмотреть, будешь ли ты читать то, что находишь, или просто принесешь мне мусор.

— Ты... ты играл со мной? — Я почувствовала, как внутри поднимается волна ярости.

— Я вербую тебя. Ты слишком умная, чтобы быть жертвой, и слишком слабая, чтобы быть игроком. Поэтому я делаю из тебя инструмент. Доступ к архивам заблокирован до конца дня.

— Это предательство!

— Это цена твоего молчания.

Ночь стала адом. Артем выключил отопление, заявив, что «экономит ресурсы». Холод пробирал до костей. Я пыталась включить обогреватель, но розетка была выбита. В темноте слышалось лишь его дыхание.

— Комфорт — это роскошь, которую покупают деньгами или сексом, — сказал он в темноте. — У тебя нет ни того, ни другого.

Я не плакала. Слезы были бы подарком для него. Вместо этого я злилась. Холодная, математическая злоба. Я стянула с вешалки его куртку — тяжелую, пахнущую табаком и его собственным запахом — и обернулась ею. Потом села на пол, достала блокнот и начала писать конспект по памяти. Строка за строкой. Буква за буквой. Игнорируя его присутствие, его слова, его власть.

Его молчание затянулось. Стоило мне перевернуть страницу, Артем снова шевелился в темноте. Я продолжала писать. Пусть слушает скрип карандаша вместо моих всхлипов.

Утро пришло серым и холодным. Артем вошел в комнату, когда я уже собирала вещи, решив уйти, несмотря на угрозу отчисления. Достоинство дороже диплома. Хотя бы так я себе говорила.

Он бросил на стол ноутбук и флешку.

— Сегодня работаем. Завтра ты солжешь декану в лицо, защищая мою репутацию в одном мелком инциденте.

Я смотрела на флешку. Маленький кусок пластика, который мог спасти меня.

— Почему я должна тебе верить?

— Потому что иначе ты мертва.

Он подключил ноутбук к проектору на стене. Экран вспыхнул синим светом. Появилось видео. Камера наблюдения коридора моего этажа. Дата: позавчерашняя ночь. Время: 02:15.

На записи видны руки Лены. Она крадется к моей двери, держит в руках конверт с документами. Она засовывает его под мою дверь, потом быстро уходит. Через минуту открывается дверь моей соседки. Лена проскальзывает внутрь и вскоре выходит, улыбаясь.

Я смотрела на свои дрожащие руки. Пока я спала, Лена подбрасывала мне чужие документы. Я думала, что меня спасают от бури. А оказалось, что меня прячут от шторма, который только начал собираться.

— Лена копает под тебя давно, Вика, — тихо сказал Артем, глядя на экран. — Я следил за ней. К тебе я подошел после жалобы Лены. Мне нужен был человек, который заметит подмену данных в её работе, а не поклонник моей фамилии. Твоя память идеальна, но твоя социальная слепота убьет тебя через неделю. Я единственная причина, почему ты жива.

Я смотрела на видео, где Лена смеется, уверенная в своей безнаказанности. Затем перевела взгляд на Артема. Он выглядел уставшим, тени под глазами выдавали бессонные ночи. Не садист. Стратег. Жестокий, манипулирующий, опасный стратег.

— Зачем тебе это? — спросила я, и голос сорвался.

— Потому что я ненавижу ложь. И потому что ты единственная, кто может понять, что именно они украл у меня.

Он протянул мне флешку.

Он положил передо мной мой телефон. Я сразу перевернула его экраном вниз — не желая, чтобы он читал мамины сообщения.

— Начинаем работу.

Глава 5

Вернувшись вечером после пар, я открыла металлическую дверь номера 304. В лицо ударили холод кондиционера и запах чужой жизни. Я стояла на пороге, прижимая к груди тяжелый рюкзак с учебниками, как щит. Внутри было темно, только экран ноутбука отбрасывал синеватые блики на лицо Артема. Он сидел в кресле, закинув ноги на стол, и даже не поднял глаз, когда я переступила порог.

— Заходи, Вика, — его голос был ленивым, растянутым, будто он жевал ментоловую сигарету без фильтра. — Или ты собираешься спать в коридоре? Там сейчас проверяют тишину после одиннадцати. Тебя выгонят за нарушение режима.

Я шагнула внутрь. Дверь захлопнулась за моей спиной с глухим звуком, отрезав меня от последнего кусочка свободы, который у меня еще оставался.

Артем наконец повернулся. Его глаза, темные и острые, прошлись по мне сверху вниз, оценивая не одежду, а уровень моего страха.

— Телефон. Ключи от общежития. На стол.

— Зачем? — мой голос дрогнул, но я заставила себя выпрямить спину. — Это мои вещи.

Он усмехнулся, коротко и зло. Встал, нависая надо мной ростом и авторитетом сына ректора.

— Ты здесь по моей милости, а не по праву. Если хочешь остаться под крышей этого университета, будешь играть по моим правилам. Сдавай всё. Сейчас. Или я звоню коменданту и рассказываю ему, почему стипендиатка ночует в мужском блоке. Выбирай.

Руки стали ватными. Каждое движение стоило мне усилий воли, чтобы не закричать. Выложив ключи, я достала телефон и положила рядом. Металл звякнул о дерево стола — звук капитуляции. Артем забрал их, бросил в ящик тумбочки и защелкнул замок. Щелчок прозвучал как выстрел в пустоте комнаты.

Я смотрела на запертый ящик, всё ещё чувствуя в пальцах вес телефона. Позвонить маме теперь можно было только с его разрешения. Отлично, Вика. Добровольно сдала последнюю связь с миром. Хотя бы запомни, куда он уберёт ключ: пригодится, когда перестанешь стоять столбом.

— Теперь можешь дышать, — он вернулся к своему месту, игнорируя мое присутствие. — Стол занят. Мой ноутбук, мой кофе. Твои конспекты... Куда-нибудь.

Я попыталась разложить свои тетради по анатомии на свободном уголке стола. Артем смахнул их одной рукой, небрежно, как сорняки. Бумаги полетели на пол.

— Чистота важнее порядка, Вика. Подними. И не мешай мне работать.

Он придвинул кресло прямо к моим упавшим листам. Скрипнула кожа кресла. Я видела, как его подошва давит на рисунок кровеносной системы человека. Это был не хаос. Это была система. Он уничтожал мое рабочее пространство, превращая учебу в квест на выживание в тесноте, где каждый мой шаг должен быть просчитан, чтобы не наткнуться на его гнев.

Ночь наступила незаметно. Узкая кушетка в углу пахла пылью и старыми простынями. Я легла, натянув одеяло до подбородка, пытаюсь закрыть уши руками. Тишина должна была быть союзником, но Артем включил музыку. Громко. Тяжелый бас бил по барабанным перепонкам, вибрировал в костях черепа. Классический рок, резкий и агрессивный.

— Артем! — я вскрикнула, садясь. — Пожалуйста, убавь. Мне нужно спать. Завтра экзамен.

Он не обернулся. Только увеличил громкость. Бас заглушил стук моего сердца.

— Артем!

Он повернулся, держа пульт в руке, и улыбнулся той улыбкой, от которой у меня сводило челюсти. Взял подушку с дивана и швырнул ее мне в лицо. Мягкий удар, почти комичный, но смысл был ясен.

— Слышишь? — крикнул он сквозь музыку. — Это звук твоего провала! Тихо лежи или выметайся!

Я замерла. Пальцы впились в ткань одеяла. Хотелось заплакать, хотелось кричать в ответ, выбить эту чертову дверь. Но вместо этого я молча потянулась к рюкзаку, нашла наушники, которые он забыл проверить (или специально оставил?), и вставила их в уши. Плотно прижала наушники ладонями, заглушая бас. Телефон был заперт в ящике, но хотя бы эта преграда оставалась моей.

Музыка Артема стала далеким гулом. Я закрыла глаза. Внутри копился яд, черный и густой, но снаружи я лежала неподвижно, как камень. Я не сломалась на глазах у врага. Я научилась блокировать его оружие.

Утро началось с запаха влажного асфальта и скрипа двери ванной. Артем вышел первым, мокрый, свежий, в идеально отглаженной рубашке. Он посмотрел на меня, все еще сидящую на кушетке с распухшими глазами, и хмыкнул.

— Мой стакан пуст. Кулер в холле. Принеси воды. Стакан. Без льда.

— Сам сходи, — пробурчала я, чувствуя, как горят щеки.

— Вика, — его тон стал ледяным. — Мы на одном этаже. Соседи уже знают, что ты здесь. Если они увидят, как ты отказываешься выполнять просьбы своего «покровителя», слухи поползут новые. Хуже старых. Иди.

Я встала. Ноги были деревянными. Вышла в коридор, прошла мимо дверей других номеров. В холле, перед кулером, я набирала воду в стакан, чувствуя на себе взгляды. Две девушки с нашего курса остановились у окна. Одна толкнула другую локтем, указывая на меня. Шепот долетел до ушей, четкий и ядовитый:

— ...подстилка ректорского сына... Лена говорила, она сама к нему лезла...

Стыд обжег кожу сильнее кипятка. Я сжала стакан так, что побелели костяшки пальцев. Я шла за водой для врага, чувствуя себя собачкой на поводке, но эти взгляды дали мне то, чего не хватало раньше — ясность. Меня уже осудили. Значит, терять было нечего, кроме собственного достоинства, которое я готова была продать за доступ к архивам.

Вечер принес новый виток ада. Артем сидел за столом, листая мою домашнюю работу по анатомии, которую я делала в библиотеке.

— Ошибка, — сказал он ровно. Рванул листок пополам. Звук разрыва бумаги показался оглушительным. — Здесь неверный ход блуждающего нерва. Опасная ошибка, Вика. Ты бы убила пациента на операционном столе.

— Я проверила по атласу... — начала я, чувствуя, как злость поднимается волной.

— Ты перепутала схему ветвей с ходом основного ствола. Проверь по монографии Громова. Страница 412. — Он прочитал вслух другой пункт, высмеивая формулировку. — "Функция регуляции..." Скучно. Пиши: "Контроль автономных реакций". Живее.

Рванул второй листок. Третий. Четвертый.

— Неправильно. Неправильно. Слабо.

Я смотрела, как он методично разрушает мою уверенность. Каждый рванный листок был кирпичом в стене между нами. Но я заметила кое-что другое. Он знал материал глубже любого преподавателя. Его жестокость имела основу. Он ломал меня, чтобы собрать заново. По своим чертежам.

Гроза ударила около полуночи. Небо треснуло, и свет в комнате мигнул и погас. Абсолютная темнота. Она снова возвращала меня в подвал, где меня запирали в семь лет, когда родители развелись. Где я училась считать удары капель, чтобы не сойти с ума.

Сердце заколотилось где-то в горле. Я вцепилась в край кушетки, пальцы заскользили по ткани.

— Артем? — позвала я тихо.

Шорох. Шаги. Он подошел ближе, но не зажигал свечей. Просто стоял в темноте, вдыхая мой страх.

— Боишься темноты? — его голос был тихим, почти интимным. — Как ребенок.

Он развернулся и пошел к ванной. Дверь закрылась с щелчком замка. Вода зашумела за стеной. Он демонстративно оставил меня одну. В полной темноте. Со звуками грозы и собственным пульсом, отдающимся в висках.

Я хотела закричать. Хотела постучать в дверь. Но вместо этого я сунула руку в карман куртки, где всегда лежала зажигалка — моя страховка, мой маленький ритуал контроля. Чиркнула колесиком. Огонек вспыхнул, крошечный, дрожащий, но живой. Прикрывая огонек ладонью, я дотянулась до свечи на столе и зажгла фитиль. Свет озарил половину комнаты. Артем вышел из ванной, увидел свечу и застыл.

Я не плакала. Я взяла стопку карточек по фармакологии, которые он вчера разбросал, и начала читать вслух, ровным монотонным голосом, игнорируя страх, игнорируя его присутствие.

— Аспирин. Механизм действия... Ингибирование циклооксигеназы...

Артем смотрел на меня. В свете свечи его лицо казалось высеченным из камня. Но в глазах плясали тени раздражения. Он хотел увидеть слезы, истерику, подтверждение своей власти над моими демонами. Но получил холодную ярость и концентрацию. Я не сломалась эмоционально. И это его бесило больше всего.

Утро после грозы было серым и тихим. Я проснулась от того, что на лицо упала тень. Артема уже не было в комнате. Кровать была заправлена идеально. На моей подушке лежала записка, сложенная вчетверо.

Я развернула её. Почерк был угловатым, быстрым.

«Ты слабая. Но ты живая. Не благодари».

Рядом лежала новая ручка. Черная, дорогая. Не та, которой я писала вчера. Эту он оставил мне сам.

Я перечитала записку. Слово «Не» написано жирно. А фраза «Не благодари» — с нажимом, прорывающим бумагу. Рука дрогнула. Артем не просто садист. Он сам находится в состоянии войны с собой. Моё присутствие — способ заглушить его внутренний шум. По крайней мере, мне хотелось так думать. Его жестокость — это тест. Кто из них двоих настоящий монстр, а кто просто потерянный ребенок в теле взрослого?

Я цеплялась за эту догадку. Иначе пришлось бы признать, что он унижал меня просто потому, что мог.

Я аккуратно сложила записку и спрятала в самый дальний карман куртки, тот, куда никогда не клала ничего при чужих. Сердце предательски колотилось. Не от страха. От странного, липкого интереса.

Посмотрела на дверь, за которой скрылся Артем, уходя на лекцию. Золотая клетка захлопнулась вокруг меня. Стены давили, воздух был спертым. Но я чувствовала вес записки в кармане. Записка была у меня. Маленькая зацепка: он мог выставить меня и всё-таки оставил. И я собиралась воспользоваться этой зацепкой.

Глава 6

Воздух в коридоре был густым, как кисель, и пах дешевыми дезодорантами и страхом. Лена стояла у двери аудитории №402, преграждая мне путь плечом. Её туфли-лодочки сверкали под лампами, а улыбка была натянутой, как струна перед разрывом.

— Вика, — её голос звенел на весь этаж, привлекая внимание толпы первокурсников. — Ночью тебя видели входящей в комнату Артема. Что за «ключи» ты ему передавала? Или это были не только ключи от библиотеки?

Утром Артем вернул телефон и ключи, швырнув их мне на кушетку. Теперь я сжала челюсти так, что скрипнули зубы. Мой алгоритм молчания давал сбой. Толпа зашумела громче, эхо шепотков ударяло по барабанным перепонкам: «Аморалка», «Шлюха стипендиатка», «Продажная память». Я попыталась пройти сквозь них, сохраняя холодный, стеклянный взгляд. Не смотреть им в глаза. Не давать им крови. Но Лена запустила руку в карман моего худи и выдернула телефон. Экран ещё светился свежим уведомлением.

— Дай сюда! — крик сорвался с моих губ раньше, чем я успела его проглотить. Это была ошибка. Первая за неделю.

Лена развернула экран к публике. Крупный план сообщения от Артема: «Заберешь после лекции?» Без контекста, без даты, без объяснений. Просто фраза, которая выглядела как признание в измене или сделке с совестью.

— Вот она, наша тихоня, — усмехнулась Лена, бросая телефон обратно в мои руки. Он больно ударил о ладонь. — А вот и принц.

Дверь аудитории открылась. Артем вышел, засунув руки в карманы куртки. Его глаза скользнули по мне, по Лене, по толпе. На секунду показалось, что он сейчас скажет слово. Одно. Чтобы остановить этот цирк. Но он лишь хмыкнул, отвернулся и прошел мимо, даже не удостоив меня взглядом. Холодный ветерок обдал мою спину. Он предал меня. Прямо здесь, прямо сейчас.

— Студентка Смирнова, отойдите от двери немедленно, — голос профессора Громова резанул тишину. — Ваше поведение деструктивно. Лекция начинается.

Мои ноги стали ватными. Земля ушла из-под ног. Я отошла от двери, чувствуя, как горят уши от унижения. Там, в тени колонны, ждал Даня. Он молча протянул мне свой конспект по патологиям. Его пальцы коснулись моих — теплые, уверенные.

— Спасибо, — прошептала я, но он отдернул руку.

— Ты сломалась, Вика. Твой расчет не работает против хаоса. Ты пытаешься манипулировать тем, кто выше тебя по статусу. Это самоубийство.

— Заткнись! — взвилась я, чувствуя, как внутри рвется нерв. — Ты просто боишься испачкать свои белые перчатки!

Я убежала в туалет, захлопнув дверь. Зеркало над раковиной отражало не жертву. За загнанным зверем скрывались пустые, злые глаза. Хватит просить помощи. Хватит быть удобной.

В библиотеке было тихо, пахло старой бумагой и пылью. Лена сидела за дальним столом, читая статью. Ту самую. Мою.

— Доказательства кражи через комиссию? Смешно, Вика, — не поднимая головы, процедила она. — Университет всегда защищает своих детей. А ты — чужой.

Я не ответила. Мои пальцы быстро забегали по клавиатуре терминала в архивном зале. Я искала метаданные файлов. И нашла. Редактирование текста статьи датировано вчера вечером. Задним числом. Лена не просто украла идею, она подделывала время создания документа.

— Эй! Выключай! — охранник схватил меня за плечо. — Здесь нет доступа для студентов. Вызываю декана.

Сердце колотилось где-то в горле. Память всплыла сама собой: протокол безопасности, который я читала, получая пропуск.

— Статья 12 внутреннего регламента запрещает досмотр личных вещей студента без присутствия представителя профсоюза или администрации уровня факультета, — выпалила я, глядя охраннику прямо в глаза. — Вы нарушаете процедуру. Если вы тронете мои вещи, я подам жалобу ректору лично.

Охранник замер, смущенный моим знанием бюрократических лазеек. Он отступил, бурча себе под нос угрозы. Вставив флешку, которую утром дал Артем, в разъем, я скопировала данные и выскользнула из зала.

Комната Артема была погружена во тьму. Я ворвалась туда, готовая орать, требовать объяснений за предательство в коридоре. Но он сидел на краю кровати, держа в руках распечатку той самой статьи.

— Она не просто украла текст, — тихо сказал он, не включая свет. — Она украла чужую жизнь. Клинический отчет по испытанию препарата "Нейро-Х". Данные украдены у пациента, который умер из-за побочки.

Я остолбенела. Вся моя ярость испарилась, оставив после себя ледяную пустоту.

— Почему ты не остановил их сегодня? — спросила я дрожащим голосом.

Артем поднял глаза. В полумраке они казались черными безднами.

— Потому что паника — лучший тест на устойчивость. Ты должна была увидеть правду без фильтров сострадания.

Он встал, подошел ближе. От него пахло сигаретами и дождем. Артем достал из кармана флешку и сунул мне в ладонь. Металл был горячим.

— Здесь исходники испытаний моего отца. И клана Лены.

Он подхватил распечатку и держал её над пустой металлической пепельницей. Щелкнул зажигалкой. Огонек танцевал в темноте, отражаясь в моих расширенных зрачках.

— Если ты сейчас же не сожжёшь эту работу, тебя вышвырнут завтра. Если сожжёшь — станешь моим сообщником навсегда.

Он протянул мне распечатку. Я взяла её за угол и сама поднесла к огню. Пламя лизнуло край бумаги. Электронная копия оставалась на флешке, но этот лист уже не мог оказаться в моих вещах как новая «улика». Я смотрела, как он чернеет над пепельницей, понимая, что назад дороги нет.

Обугленные остатки распечатки мы смыли, а файлы с обеих флешек я собрала на запасной внешний диск Артема. Копию выгрузила в облако, диск спрятала в шкафу за атласом. До ближайшего клинического зачета оставалось сорок восемь часов, а мой мозг превратился в перегруженный сервер, который отказывался запускать новые процессы. Я лежала на своей узкой койке в комнате общежития, которую мы делили — не по любви, а по воле обстоятельств и Артема, — и пыталась дышать. Вдох на четыре счета, выдох на семь. Стандартная техника релаксации, которую я отрабатывала годами, чтобы заглушить панику перед контрольными.

Но тишины не было. С улицы доносился гул ночных автобусов, а рядом, на диване, спал Артем. Или притворялся спящим. Его дыхание было ровным, почти гипнотическим, и именно это бесило меня больше всего. Он дышал как человек, у которого нет ни единой проблемы в жизни. Ни долгов, ни страха отчисления, ни девушки-дьявола Лены, готовой растерзать нас за любой кривой взгляд.

Я перевернулась на живот, утыкаясь лицом в подушку, но запах чужого одеколона — дешевого мускуса и мяты — ударил в ноздри. Злость поднялась из желудка холодным комом. Почему он здесь? Почему его присутствие ощущается как физическое препятствие, стена, которая давит на грудь?

Внезапно щелкнул выключатель. Резкий свет настольной лампы вспыхнул над моим столом, заливая комнату бледным желтым сиянием и создавая жесткие тени на стенах. Я вскинула

голову, прищуриваясь. Артем сидел на краю дивана, подперев голову рукой. Его глаза были открыты, темные и внимательные.

— Твой пульс слышно даже сквозь подушку, — сказал он тихо, без иронии, просто констатируя факт. — Ты дышишь как загнанный зверь. Вика, если ты не уснешь сейчас, завтра будешь выглядеть как труп на вскрытии. А мне нужно, чтобы ты была живой. И умной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.